

СОДЕРЖАНИЕ

После войны: остров Вай и боги песка

Часть первая. Агент вернулся

Палка бах-бах	6
Босс взад.....	18
Назгулы и другие	30
Леди один динар.....	44
А вот теперь — понедельник.....	56

Часть вторая. Агент бунтует

Маленький дьявол.....	72
Махатма и я.....	85
Обфускация и хренация	102
Вкусный зин-заг	116

Часть третья. Агент проснулся

Двухмух.....	126
Немцы уходят	136
Черные в черном.....	148
Из жизни назгулов	157
Эпилог.....	169

Послесловие.....	175
------------------	-----

РАССКАЗЫ

У тебя все было	184
Мэнак	206
Но где-то же оно есть.....	230

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АГЕНТ ВЕРНУЛСЯ

Палка бах-бах

Угрозы и вызовы обозначились в первую же ночь на острове Вай. Обозначились в виде громкого шуршания на крыше моего домика.

Я не оперативник, но, когда происходит чертовщина, какие-то инстинкты включаются. Мой отель — это ряд одноэтажных шатких домиков на сваях вдоль пляжа, спинами они прижимаются к крутому горному склону, поросшему джунглями. На склон лезть бесполезно. Орать и будить соседей — это долго.

А тогда надо так: из дверей — вот как есть, в голом виде, налево и вниз кубарем по четырем ступенькам на каменную дорожку, обдирая бока, но жизнь дороже. И сразу выкатиться из смертельного света цепочки круглых фонарей на уровне колена, озаряющих всю территорию отеля ночью, выкатиться на песок, в сторону воды, потому что больше некуда. И двигаться, двигаться дальше и непрерывно. Шансы небольшие, но это лучше, чем вообще без шансов. А думать о том, какая сволочь влезла ко мне на крышу и зачем, — это потом.

Дверь я распахнул рывком, мгновенно шаря глазами по кромке шиферной крыши, она от-
лично виднелась в свете фонарей. И прямо пе-
ред моими глазами свешивается...

Серое, толщиной с сосиску, не змея, а, ско-
рее, толстая волосатая веревка, на конце закру-
чивающаяся крючком.

— Палка бах-бах, — донесся сонный сдав-
ленный голос снизу, оттуда, где на камен-
ной садовой скамейке виднелась куча серого
тряпья.

Какая, на фиг, палка бах-бах? Но тут из тря-
пья высунулась тощая кисть и указала на двух-
метровое бамбуковое орудие, прислоненное
к порогу на расстоянии моей вытянутой руки.
Потом уже, на следующий день, я увидел, что
такая палка прилагается к каждому домику,
стоит и ждет у входа. Вот для тех самых целей.

Недовольный стук этой штукой по краю
крыши произвел нужное действие. Серый
хвост... конечно же, хвост... исчез, снова зашур-
шало сверху, оттуда посыпались пучки мягких
и длинных игл казуарины. Затем на крыше
соседнего домика, стоящего впритык к мое-
му, раздался мягкий шмяк, и все стихло. Море
успокаивающе шуршало, замирало и шуршало
снова.

Так я познакомился одновременно с двумя
достопримечательностями острова — с бама-
ми (а на скамейке, совершенно очевидно, был
один из них) и с собачьим языком в обновлен-
ной версии.

* * *

Дальше я вернулся в прохладу комнаты, покосился на зеленый глаз тихо урчавшего кондиционера под потолком... и ко мне в голову вломился сон. Опять сон. Эта гадость так и не уходит от меня после ранения, подумал я, но здесь-то, у моря с его успокаивающими вздохами, ведь должна постепенно исчезнуть?

Сон вот какой: красные сполохи, завывания злобной темноликой толпы, танцующей вокруг пылающего памятника Дональду Трампу в Майами. Металл не горит, скажете вы, но мне казалось, что подсвеченный отблесками кровавых огней человек из сверкающего сплава от жара скручивается с поднятым кулаком и заваливается вбок. Беснующаяся толпа тянет его за канаты, привязанные к шее, чтобы он упал в разведенный ею огонь, но тут раздается вой сирен и в бой идет стена полицейских за пластиковыми щитами. Толпа волной отбегает, вливается в улицу с площади, тут обнаруживает меня — и начинается погоня. И кто-то мне пытается что-то сказать, меня куда-то направить, а что будет там — неясно.

Это же всему миру известные и довольно старые, прошлогодние уже телевизионные кадры, пытался я сказать себе. Меня там не было и нет. Но толпа — мелькали в отблесках огня эти выкаченные глаза — подступала все ближе, я ощущал вонь горящего бензина и жар с площади... Это во сне-то? И сон не уходил.

* * *

А началось все вот как: меня вызвал... нет, пригласил Юрий Ефимович Шляйн, по званию полковник, человек как минимум легендарный во всех отношениях. И начал разговор с приятного:

— Привет герою. Значит так, я говорил с твоими докторами в Красногорске. И передаю тебе их строгое предписание. Длительный отпуск в теплой тропической стране. В домике на песке. Ровно в десяти метрах от прибоя, который вот так — ш-ш-ш, и снова ш-ш-ш. Отлично лечит от шизофрении, между прочим, но у тебя другой диагноз. Дальше... Не перебивай старших по званию... Дальше — там должен быть бесконечный пляж этакого белого песка, по которому ты через километр выходишь, повернув влево — правильно, влево? — на бесконечную дорогу с ресторанами и прочими удовольствиями. Форма одежды — резиновые тапочки, легкая рубашка и тонкие штаны на веревочке, которые вот тут, на пузе, бантиком завязываются. Плавать не меньше четырех раз в день. Это приказ. Задание понял? Срок командировки — минимум три недели. Отъезд из наших снегов (тут он мрачно посмотрел в окно) — хоть завтра. А лучше сегодня. Тот самый домик тебе уже заказан. На послезавтра, кстати. На твое настоящее имя. Расходы оплачиваются, командировочные и прочие динары выдаются в мощных количествах. И лечиться, лечиться и еще раз лечиться. Восстанавливаться, то есть.

Я молчал, потому что говорить об очевидном не было смысла. На моей работе это нормально — когда раньше человек в какой-то частной беседе отвечал на вопрос: где лучшее место в мире? Где бы ты хотел вот сейчас оказаться? И человек этот честно отвечает — есть, говорит, такое место, оно называется остров Вай.

И даже объясняет, почему, и в подробностях. Вот это все перечисляет — домик в десяти метрах от прибоя, его номер — 17А. Прямо перед твоей крошечной (еле протиснешься) верандой толстые стволы двух казуарин, левее кокосовая пальма... Ну, обычный же разговор, кто-то спрашивает человека — есть ли у него мечта, место, где он был в последние недели перед войной, и которое еще неизвестно уцелело ли. Он и отвечает. Не секрет все это. И тут кто-то этот не секрет заносит в твое досье. Здесь не самая интимная информация из той, что там еще может и даже должно быть. И товарищ полковник имел бы полное право ею располагать, если бы только...

А Шляйн, как настоящий волшебник, ехидно смотрел на меня, полагая, что удивил и смутил.

— Товарищ полковник, — заполнил я паузу. — И все было бы хорошо, если бы только не пара странностей. Я не оперативник, а аналитик, и после госпиталя официально вернулся в родное подразделение. Хуже того, достигнута договоренность — я и оттуда ухожу, на преподавательскую работу. А тут меня вызывает...

— Приглашает, — поправил он меня.

— Не смешите — ну, хорошо, приглашает. Приглашает человек, возглавляющий — если я не путаю — спецгруппу или спецподразделение по каким-то загадочным особым операциям. Кто там вассал чьего вассала?

— Откомандирование с твоим начальством согласовано, — быстро перебил он меня. — И студенты подождут до первого сентября, а сейчас, как-никак, январь. В целом же — я слышу голос аналитика и ощущаю его мощный разум. Этот разум — одна из причин того, что лечить на упомянутом пляже надо именно тебя и больше никого, просто других кандидатов тут нет. Пробовали, искали, перебирали, но не получается.

Так, кивнул сам себе я. Нет, значит, других кандидатов. Это приказ, и так далее.

— Вторая причина: там твой регион мира, ты конкретно на этом Вае был и знаешь там каждую собаку. И кстати о животных — ты хотя бы в черновом варианте знаком с собачьим языком, или там диалектом. Но есть и еще одна, главная причина. Вот теперь слушай: это твой друг детства Шурик. Айтишник, сто восемьдесят килограммов чистой гениальности.

* * *

Так. Теперь что-то понятно. Значит, Шурик.

Не совсем друг и не совсем детства, конечно. Мы просто несколько раз пересекались на студенческих пьянках. За сто килограммов у него было уже тогда, так же как и наличествовала упомянутая гениальность. И он был технарь,

то есть существо из иного мира — но все же мы постоянно встречались.

Знаете, это уже какая-то надоевшая всем карикатура глобального масштаба — непристойно жирный айтишник, заросший бородой и прочими волосами. Очевидный гений, вытворяющий в инфоэфире небесном что угодно. Не боящийся никакого начальства, поскольку оно знает, что тут гений. Наглая, в сущности, рожа. Их, таких, по всему миру легион.

Так вот, Шурик, скорее всего, просто очень старался соответствовать этому легендарному образу. Он не только упивался своим чрезмерным весом и тем, как это ужасает окружающих. Он еще демонстративно жрал. Он мог пройти мимо товарища и на ходу стырить у него пальцами какой-то кусок с тарелки со словами «раз ты его еще не схавал, значит, ты его не хочешь». А когда я раза два посетил по своим служебным делам его айтишную берлогу уже в после-студенческие времена, там был просто кошмар, от которого коллеги старались держаться подальше. Мусорная корзина и пол вокруг нее были завалены обертками от какой-то вредной и жирной еды, но хуже всего была пицца.

Коробку от пиццы не свернешь в трубочку, она какое-то время валяется на открытых местах и — пахнет. Никогда не думал, что этот потрясающий запах сыра и базилика может быть отталкивающим, но любое логово Шурика этой штукой пахло тошнотворно. Это притом, что саму пиццу он сжирал сразу и без следа, всю,

до кусочка, целиком. Но промасленная бумага оставалась.

А еще он терроризировал народ своей любовью к стриптизу. Представьте себе клуб, сцену с шестом и вот такое чудище в первом ряду, засовывающее ассигнацию в трусы очередной извивающейся у шеста девочке. Они, кстати, все его наверняка знали и передавали друг другу нехорошие легенды про его бесчинства.

И понятно, что довести себя до такого безобразия мог только гений — человек, который умел все и знал, что он лучший. Вломиться на сайт Пентагона и оставить там порно — то было ниже уровня Шурика, кто только на этот сайт не вламывался. А вот хвастаться перед своим хакерским сообществом тем, что он взломал госбанк какой-нибудь несчастной Норвегии, стырил оттуда миллион крон или что у них там в ходу, а потом мгновенно вернул их, и ему за это ничего не было — вот так веселился Шурик. Выполняя при этом и вполне серьезную работу, и тоже с блеском.

Дальше, как известно, была война. И последний, кого на этой войне я рассчитывал встретить, был Шурик. Но тем не менее легенды о нем пошли и оттуда.

Шурик запускал и контролировал наши дроны, боролся с дронами не нашими, создавал какие-то безумные решения и писал безумные программы. И не из безопасной берлоги в Москве. Легенды же про него ходили насчет того, как этого человека доставляли — именно доставляли —

на нужную точку на нужном расстоянии от линии боевого соприкосновения, желательно на броне танка, потому что в обычный автомобиль его втиснуть было не очень легко. Да, а позывной у него был «Гора», или «Человек-Гора», притом что позывные мы чаще всего сами себе придумываем; мой был «Азия», если это кого-то интересует.

Собственно, вот и все. Дальше, перед самым концом войны, я попал в госпиталь, было мне сильно не до Шурика — и вот теперь он как-то всплыл в самом неожиданном месте и в самое неожиданное время.

* * *

— Изложите, если можно, суть дела, товарищ полковник, — мрачно вздохнул я.

— Непременно, товарищ подполковник.

— Я майор...

— К досрочному очередному званию представлены, после выполнения задания уж как-нибудь подписи придут...

Тут надо знать особенности Шляйна, этого человечка с большим носом, похожего на нахохлившуюся птицу. Он обожает изображать из себя вот это — «сигналом к атаке служат четыре зеленых свистка вверх» и прочее. Но мы-то с ним встречаемся не в первый раз и знаем друг друга.

— А история такая, — скучным голосом сказал Шляйн. — Шурик оторвал когти от родной земли. И так оторвал, что без следа. Года полтора назад следы его пребывания были выявлены

на этом твоём Вае. Ну, сначала он свалил в Турцию под именем Сергея Безуглова или что-то в этом роде. Дальше его след нашёлся в Омане, но по пути туда он стал каким-то Хорхе Гонзалесом или что-то в этом роде, гражданином Коста-Рики. И вроде как вылетел таковой гражданин в общем направлении Вая, как минимум в ту империю. И исчез. Но след его там мелькал. В инфопространстве. На Вае.

Вот это было грустно.

— Слушайте, товарищ полковник, — огорченно сказал я. — А так ли уж надо сегодня ловить дезертиров? Вы же меня знаете, я бы таким делом заниматься не хотел. Другой мир сегодня, другие проблемы, ну то есть — если сам случайно попадетсЯ, то ещё ладно. Но здесь что-то явно другое, так?

— Аналитик! — восхитился Шлайн. — Все так. Но здесь вам не тут. Шурик твой дезертир? Нет. Он отвалил буквально на другой день после демобилизации. Секретноноситель — а это как посмотреть. Только он такой секрет носит, что статьи кодекса или служебной инструкции на него нет и не будет. И получилось так, что этим секретом заинтересовались плохие люди, и нам об этом стало известно, и люди эти тоже вроде как обратили свой взор в сторону империи и даже, возможно, Вая. Они его ищут, твоего Шурика. Но в целом ситуация для тебя пока такая, скажем, без фанатизма и спешки.

Он устремил на меня свои добрые-добрые глаза:

— Если что, я бы мог своих оперативников туда заслать. Здоровые ребята, без такого ранения, как у тебя. Но пока нужен ты, для неспешной работы без мордобоя. Главное же — если тебе удастся все-таки его обнаружить, он с тобой, может, хоть как-то говорить станет. А смысл всего в этом, поговорить. Так, досье и все прочее ты прочтешь вот прямо сейчас, зайди к Маше. Там будет сказано, что на Вае у тебя возможен и необходим контакт с нашими людьми и нашей агентурой. Они там есть. Ждут тебя и будут помогать. И в досье имеется многое прочее, кроме главного — о каком секрете речь. Вот этого в наших документах нет и не будет.

— Даже в ваших?

— Вот представь. Такая уж гадость творится. Но ты не переживай, — наклонил он ко мне голову. — Работа не страшная. Можешь засветиться сколько угодно. Не надо суетиться. В сущности, мы тебя туда шлем в виде группы поддержки из одного человека. Для выявления, опознания и последующего разговора.

— То есть я опознаю...

— И немедленно оповещаешь меня, сам при этом не делаешь ничего. Инструкции получишь только после этого. Тут в чем штука — его на Вае и в соседних местах не то чтобы идиоты ищут. А все никак. Нужен аналитик — посмотреть, типа, что они делали не так. Ищешь без спешки, но системно, опираясь на помощь разных персонажей. Не найдешь — ну, жаль, но я в тебя верю. А заодно...

Тут полковник окончательно расслабился и устремил на меня задумчивый взгляд:

— Заодно — ты же аналитик, тебе же полезно наблюдать, а кто у нас сейчас вообще противник и что замышляет. Еще ведь дальше детишечкам будешь всякие умные вещи преподавать. Например, о том, в какой мир въехали. Ну, вот эта история с Шуриком — она жутко интересная получается. Помогает острому уму просечь сущность, то есть сучность, завтрашних угроз и вызовов. Они же ведь будут, но совсем другие — хотя останутся угрозами и вызовами.

* * *

Что было дальше... тут надо воркующим баритоном произнести примерно следующее: и я расскажу тебе, дружок, бешеную историю. В ней будут крылья гаруды, бесстрашные агенты, мистические персонажи типа обезьяньего бога или человека по имени Дьяволенок. Хотя после долгого разбирательства выяснится, что не такая уж это мистика, а все как всегда, то есть у нас тут обычный мир и то, каким он сегодня, после войны, стал.

Босс взад

И я пошел его искать на следующий же день после прилета. Да, вот так — сам, один.

Конечно, это бред. Если на острове есть наши люди — а теперь я уже знал, кто это, двое наших медиков в клинике, которая возвращает к жизни назгулов... Плюс агентура — то есть завербованные личности какой угодно национальности... То мой первый вывод: наверняка это не весь список, а еще были и есть прочие и никоим образом не наши, и они уж как-нибудь искали Шурика всерьез. Но допустили какую-то системную ошибку. Вариант — ошибка заложена в задаче, то есть этого человека на острове или не было, или давно нет.

Но это слишком долго — в одиночку разбираться, как искали. Ну, понятно, что хакера ищут по тем следам и прочим разрушениям, которые он оставляет в нематериальном пространстве. И здесь очень легко ошибиться, тени в эфире — они и есть тени. Однако Шляйн был абсолютно уверен, что ошибки нет, а Шурик на острове есть. Он неправ? Не знаю. А вот что